

Дмитрий Андреев: Новое издание воспоминаний В.А. Маклакова и ревизия историографических концепций

Dmitry Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia): A new edition of V.A. Maklakov's memoirs and revision of historiographical concepts

DOI: 10.31857/S2949124X24030047, EDN: GDRXTU

Переиздание С.В. Куликовым, казалось бы, хрестоматийных воспоминаний В.А. Маклакова приобретает особую актуальность на фоне гигантского массива новых источников и фактов политической истории дореволюционной России, которые стали известны за последние десятилетия и требуют ещё осмысления и непредвзятой ревизии историографических концепций. Они помогают избавиться от иллюзий простых объяснений прошлого, восходящих порой к представлениям непосредственных участников событий. В частности, книга вновь заставляет задуматься об особенностях русского либерализма начала XX в. (включая и его правый сегмент, к которому с 1905–1906 гг. принадлежал мемуарист) и о том, что собой представляла политическая система Российской империи после издания в апреле 1906 г. новой редакции Основных законов.

Воспоминания Маклакова производят впечатление самого настоящего покаяния в собственной причастности к «освободительному движению» начала XX в. Симптоматично, что оно прозвучало практически одновременно со схожими заявлениями другого видного представителя правого кадетизма — «веховца» П.Б. Струве. На одном из эмигрантских мероприятий в середине 1930-х гг. Пётр Бернгардович экзальтированно кричал, что самодержавной власти следовало бы революционеров, всю радикальную оппозицию, «истребить без всякой жалости», а его самого — первым из них¹⁵.

Маклаков, рассказавшись в увлечениях молодости, практически до самой смерти критиковал кадетизм, доказывая, что именно его бывшие единомышленники виноваты в трагедии, произошедшей с Россией после 1917 г. Эта полемика рассмотрена во вступительной статье Куликова (с. 14–15, 19–20). Правда, ознакомившись с вышедшими в 1955 г. воспоминаниями П.Н. Миллюкова, Маклаков «поневоле» стал несколько лучше думать о прежнем товарище по партии, увидев в нём «педагога, распространителя просвещения и на редкость образованного человека, с ненасытной любознательностью, активностью». И всё же для Василия Алексеевича он так и остался «только наблюдателем со стороны, критиком, а не “деятелем”», доктринёром, не учитывавшим, что в России традиционно «порядок держался на одном повиновении власти монарха», не пожелавшим ориентироваться на «земцев и лучших из октябристов» и тем самым подготовившим дорогу большевикам¹⁶.

Но если левый либерализм был ошибочным, то каким же был правильный и созидательный? Маклаков работал над воспоминаниями с конца 1920-х до середины 1930-х гг., на фоне экономического кризиса, роста массовых радикальных движений как левого, так и правого толка, установления и укрепления авторитарных режимов в различных европейских странах. «Мы дожили теперь до эпохи, — сетовал мемуарист на первых же страницах своей книги, вышедшей в 1936 г., — когда даже те начала европейской цивилизации, о которых мы для

¹⁵ Пайнс Р. Струве: правый либерал, 1905–1944. Т. 2. М., 2001. С. 493.

¹⁶ «Права человека и империи»: В.А. Маклаков — М.А. Алданов. Переписка. 1929–1957 гг. / Сост. О.В. Будницкий. М., 2015. С. 973, 978, 981, 990.

России мечтали, в Европе потеряли своё обаяние... Необходимый социальный перелом не умеют представить в путях демократической *эволюции*. От народного представительства моральная сила отходит. Появились “диктаторы” и “вожди”. Эту новую для Европы тенденцию разделяют и те, кто защищает *старый* социальный порядок, и те, кто его хочет *разрушить*. Политические диктатуры прекрасно совмещаются с социальным новаторством. Маятник истории пошёл в обратную сторону. В силу демократии больше не верят; кризис оказался ей не по плечу. В этой атмосфере мы естественно дожили и до реабилитации *большевизма*» (с. 34). Впрочем, по мнению Маклакова, «европейский кризис в *наших* глазах не реабилитирует большевизма», который «сбил Россию с настоящей дороги и надолго разрушил в ней то, что в ней естественным путём росло ценного и здорового». Однако «теперешняя идеология фашизма и диктатур реабилитирует самодержавие», поскольку «оно защищало полноту своей власти не для себя, а для того, чтобы ею служить интересам народа, всех состояний, классов и рас, не завися от обладателей привилегий» (с. 36).

Характерно, что эта «реабилитация» была обусловлена не переоценкой ценностей вследствие приобретённого опыта, а совершенно новыми обстоятельствами, о которых в начале XX в. думать не приходилось. Причём Маклаков «реабилитировал» не самодержавие как таковое, а только ту его форму, которую оно приобрело в эпоху Великих реформ, объявленных «торжеством» данной политической системы (с. 37). Но уже «царствование Александра III оказалось роковым для России», направив её «на путь, который подготовил позднейшую катастрофу» (с. 38). В 1880-х гг. произошёл поворот к «реакции», началось «официальное гонение на шестидесятые годы» и появившиеся тогда институты, которые признавались несовместимыми с самодержавием (с. 45–46).

И тут «реакционеры», по мнению Маклакова, «видели вернее и глубже»: «Начала, на которых реформы 1860-х годов были построены, в конце концов действительно неограниченное самодержавие подрывали. Свобода личности и труда, неприкосновенность приобретённых гражданских прав, суд как охрана закона, а не усмотрение власти, местное самоуправление были принципами, которые противоречили “неограниченности” власти монарха... Нормальный рост созданных в 1860-х годах учреждений уже вёл к тому, что неограниченное самодержавие оказалось позднее ненужным и вредным; оно держалось на подчинении крепостного крестьянского большинства дворянскому меньшинству... С тех пор как самодержавие отделило свою судьбу от дворянства, освободило крестьян и этим нанесло сословности непоправимый удар, его дни были сочтены. Как и современные фашизмы, оно было нужно, чтобы сломить старый порядок, силу преобладающих классов и построить общежитие на новых началах. Но когда это было окончено, в нём более не было надобности; жизнь стали устраивать на других основаниях, которые исключали необходимость “неограниченной власти”» (с. 46–47). При конструктивном сотрудничестве «власти и общественности» произойти это должно было без революционного взрыва.

Таким образом, Маклаков утверждал, что самодержавие являлось в России единственной силой, способной запустить реформы, которые в перспективе должны были его же и уничтожить: «Победа самодержавия сделалась началом его собственной гибели» (с. 37). Противореча самому себе, мемуарист то противопоставлял надклассовое и наднациональное самодержавие «фашистам», провоцирующим внутренние конфликты в обществе, то, наоборот, сближал эти режимы, указывая на их одинаковую способность использовать социаль-

ные противоречия для вывода страны на новый уровень. Не совсем понятно также, откуда у автора взялась уверенность в том, что монархия, лишённая при перерождении из самодержавной в конституционную прежней «неограниченной власти», тем не менее сохранит способность если не обеспечивать дальнейшее развитие государства, то хотя бы предотвратить его скатывание от цивилизации к варварству? Во всяком случае, нет никаких оснований полагать, будто подобная трансформация могла гарантировать России либеральное «мирное обновление». То, что последовательное продолжение Великих реформ открыло бы такую альтернативу, — не более чем историографический миф.

Неудивительно, что «не всегда искренняя идеализация реформ и самой личности Александра II» (с. 48) в условиях «реакции» 1880-х гг. порождала новый либерализм, сочетавший ретроспективный этатизм, когда речь шла о приукрашенном наследии 1860-х гг., с антиэтатизмом при оценке окружающей действительности. Радикализация такого либерализма была неизбежна. Между тем, по наблюдениям мемуариста, «если позже оставались ещё сторонники самодержавия, то его “идеалисты” уже исчезали. За самодержавие стояли тогда или пассивные поклонники всякого факта, или представители привилегированных классов, которые понимали, что самодержавие их охраняет» (с. 81).

Воспоминания Маклакова представляют собой, по сути, историю конфликта, неявно обозначенного в названии книги и начавшегося в конце царствования Александра III, когда в ходе борьбы с голодом 1891—1892 гг. «первые выступила на сцену “общественность” в её противопоставлении “власти”» (с. 128). Впрочем, в то время у неё ещё «не было желания “соревноваться” с властью» (с. 129), в отличие от периода Первой мировой войны с характерными для него попытками либеральной оппозиции «воочию показать *преимущество* “общественной” работы над “бюрократической”» (с. 130).

По мнению Маклакова, реальный шанс направить активность пробудившихся общественных сил в конструктивное русло имелся в самом начале царствования Николая II, от которого ожидали вовсе не конституции, а всего лишь «прекращения реакции, возобновления линии шестидесятых годов, возвращения к либеральной программе». И если бы молодой монарх пошёл навстречу этим чаяниям, то «самодержавие исполнило бы свой долг до конца» и «привело бы Россию к конституции» (с. 133—134). Но подобное допущение противоречит последующему рассказу: ведь в 1906 г. Россия получила конституцию в виде новой редакции Основных законов, и несмотря на это кадеты отказались от сотрудничества с правительством и фактически приговорили страну к революции.

Маклаков утверждал, что в 1895 г. «Николаю II предстоял выбор не между самодержавием и конституцией, а между либеральным самодержавием эпохи Великих реформ и самодержавием эпохи реакции. Он выбрал второе» (с. 134). В действительности всё обстояло несколько иначе. В 1881 г. конституционная перспектива явственно выражалась если не в правительственной политике, то в общественном мнении — для одних как желанное будущее, для других как трагическая неизбежность. В окружении Александра III не сомневались в принципиальной несовместимости каких-либо конституционных преобразований не только с самодержавием, но и с сохранением дееспособной монархии как таковой. Подобные эксперименты считались таким же «скачком в неизвестное», каким Маклакову представлялось требование «Учредительного собрания по четырёххвостке» (с. 469). Поэтому в 1880—1890-е гг. власть селективно

подходила к наследию Великих реформ: не отказывалась от общего курса на модернизацию, последовательно усиливала легизм в государственном управлении (от согласования решений между императором и руководителями различных ведомств до поиска допустимых форм диалога местной администрации и общественных учреждений и групп), но всячески противилась даже намёкам на «увенчание здания» тем или иным конституционным (парламентским) образом. Последний император унаследовал от отца твёрдое убеждение в том, что любые, даже декларативные, послабления в этом смысле чреваты непредсказуемыми последствиями. И тут никакого выбора у него не было.

Именно поэтому речь Николая II о «бессмысленных мечтаниях», произнесённая 17 января 1895 г., вызвала раздражение у тех, кто надеялся на возвращение монарха к политике его деда, отождествляемой с постепенным установлением конституционных начал и порядков. Общество осознало, что такие ожидания неосуществимы при том самодержавии, которое олицетворял Николай II (с. 134–135). Соответственно и приверженцам нового либерализма ничего не оставалось, как объявить «непримиримую войну самодержавию», поскольку никакая созидательная работа в рамках дозволенного не могла уже перерасти в нечто большее. Как пишет Маклаков, «эта война скоро захватила всё общество» — началось «освободительное движение», понимаемое как «организованная работа общественных сил», которая «сосредоточилась исключительно и всецело на низвержении *самодержавия*» (с. 136). Во главе его оказались не умеренные земцы, которые «долго не хотели войны и предпочитали идти мирным эволюционным путём», а более радикальные интеллигенты (с. 138–139). Но принципиальная разница между ними, вопреки уверениям Маклакова, отсутствовала.

По-видимому, в эмиграции Маклаков уверовал в то, что если бы Николай II и его правительство не встали на путь реакции, то «общественные силы не ворвались бы на сцену бурно, как непримиримые враги самодержавия, а стали бы выступать постепенно, сначала как простые сотрудники власти, а потом как её заместители» (с. 120). Из мемуаристики эта иллюзия, ставшая догмой для ветеранов «освободительного движения», проникла в историографию, как в эмигрантскую и зарубежную, так и в советскую и постсоветскую. Её воспроизведение давно уже выглядит странным анахронизмом.

Гораздо убедительнее оценка Маклаковым Основных законов 1906 г. как «настоящей конституции», завершившей фундаментальные преобразования, начатые Манифестом 17 октября 1905 г. (с. 384). Здесь он решительно не соглашался с подавляющим большинством кадетов, благодаря которым «скоро стало общим либеральным каноном, что Основные законы — только “лжеконституция”, что у нас осталось “прежнее самодержавие” и что оно было свергнуто только Февральской революцией» (с. 470). Со своей стороны, Василий Алексеевич настаивал на том, что в последние 11 лет своего существования российская монархия, не будучи ещё в полной мере конституционной, не являлась уже и самодержавной, представляя собой некую транзитную систему с отчётливой перспективой дальнейшего усиления представительных учреждений.

Не следует забывать, что со времён Петра I политика самодержавия включала в себя существенный конституционалистский элемент, заключавшийся прежде всего в постоянно усложнявшейся институционализации управления, в усвоении самодержцами и их сановниками принципов регулярности, законности, разделения ветвей власти в смысле распределения полномочий между ведом-

ствами. Сама возможность проведения Великих реформ в 1860–1870-е гг. была обусловлена высоким уровнем развития этого инструментального правительственного конституционализма, особенно в его ритуально-презентационном выражении. Но едва ли он мог мирно перерасти в небюрократический конституционализм парламентского типа. Сотрудничество с узким кругом высшего чиновничества воспринималось императорами как нечто естественное, но к «выборным» у них имелся стойкий иммунитет, как и к публичным конфликтам политических партий (в отличие от кулуарных интриг придворных и правительственных группировок). При этом даже столкновения двух министров, каждый из которых добивался наибольшего влияния на монарха и правительственный курс (например, соперничество С.Ю. Витте и В.К. Плеве), со стороны могли показаться «борьбой двух основных путей самодержавия» (с. 257–258)¹⁷.

Характерно также, что на рубеже XIX–XX вв. все споры в правящих кругах неизменно предполагали демонстрацию всеми их участниками абсолютной лояльности царю и идее самодержавия.

Фёдор Гайда: Когда кадетский компас сломался

*Fyodor Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia):
When the cadet compass broke*

DOI: 10.31857/S2949124X24030065, EDN: GDNZQW

Василий Маклаков — уникальное явление на политическом небосклоне России начала XX в. Студент историко-филологического факультета Московского университета в силу личных обстоятельств стал не профессором, а талантливым адвокатом, в годы Первой русской революции вошёл в состав ЦК Конституционно-демократической партии, но среди товарищей всегда оставался на особом счету. Он был одним из лучших кадетских ораторов, его знала вся страна и по думским речам, и по судебным процессам. Однако партийное руководство во главе с П.Н. Милюковым относилось к нему настороженно. От него ждали бунта и раскола, после чего, имея такого лидера, на основе правой кадетской группы могла бы сложиться новая либеральная партия, только более деловая и менее доктринёрская, способная к диалогу с правительством¹⁸. Подобный разворот серьёзно трансформировал бы весь политический расклад в России накануне Первой мировой войны. Препятствием служило лишь то, что правые кадеты не чувствовали поддержки сколько-нибудь значимого числа сторонников. А в Совете министров после смерти П.А. Столыпина никто не брался манипулировать оппозицией. В итоге Маклаков оставался в ЦК вплоть до распада партии в годы Гражданской войны, позволяя себе лишь некоторое фрондёрство. Симпатизировавшая ему соратница по ЦК А.В. Тыркова-Вильямс отмечала в дневнике, что Василий Алексеевич, «как всегда играя и усмехаясь», вполне мог ставить под сомнение святыне для партии принципы: «четырёххвостку», принудительное отчуждение помещичьей земли

¹⁷ Подробнее см.: Андреев Д.А. Самодержавие перед поворотом к конституции // Российская история. 2022. № 4. С. 135–140.

¹⁸ Подробнее см.: Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 39, 170, 206, 208, 242–243, 288–290, 306, 339–353.